

Michael Marder, *Energy Dreams: Of Actuality*

New York: Columbia University Press, 2017, 200 pp.,
ISBN 9780231180597

Артемий Магун

*Профессор политической теории демократии,
Европейский университет в Санкт-Петербурге,
Факультет социологии и философии
ул. Гагаринская, д. 6/1А, г. Санкт-Петербург, Россия 191187
E-mail: amagun@eu.spb.ru*

Философская теория энергии

Новая книга Майкла Мардера ставит перед собой еще более амбициозную цель, чем его предыдущие работы: проанализировать и описать понятие *энергии* и применить его по отношению к актуальной проблематике. Это понятие, введенное Аристотелем, некогда было центральным для домодерной европейской философии. В XIX веке его заново изобрели и переопределили физики лишь для того, чтобы восстановить его предыдущую значимость, на этот раз не только в рамках философии, но и в области политики, экономики, психологии и спонтанной метафизики повседневности. «Энергия» вездесуща, зачастую ее считают высшей ценностью жизни, превосходящей благо и истину. Культ энергии скрывает непреходящую тревогу по поводу ее утраты.

Однако философия, как правило, испытывала трудности в отношении данной темы (за исключением выдающегося русского философа Владимира Библихина, автора книги «Энергия», оказавшей влияние на Мардера). На то есть три причины:

1) Крупные фигуры континентальной мысли, такие как Хайдеггер и Лакан, с пренебрежением относились к этому чересчур метафизическому (то есть абсолютистскому, оптимистическому) и слишком технологическому понятию.

2) Современное обыденное употребление данного слова на деле переворачивает его исходное значение (как это обычно случается со всеми крупными современными понятиями). Поэтому философы испытывают затруднения относительно того, какое именно значение должно обсуждаться: изначальное, классическое, или диаметрально противоположное — метафорическое, принятое

в физике и популярной культуре. Как правило, сегодня мы называем энергией неопределенный, количественно измеримый ресурс для дальнейшей активности или, в терминах Аристотеля, именно возможность, *dynamis*, а не действительность, то есть не *energeia*. Некоторые, включая меня, не решились бы рассматривать сегодняшнюю «энергию» как энергию в философском смысле.

3) Уже у Аристотеля отсутствуют ясность и единое определение этого термина; он появляется скорее в качестве виртуозной словесной инвенции, нежели строгого аналитического инструмента. Не всегда можно понять, почему мы не можем провести различие между возможностью/силой и реальностью/действительностью без того, чтобы присвоить последней дополнительное наименование, которое Мардер буквально переводит как «*вработывание*» (enworkment).

Мардер обстоятельно подходит к этим вопросам и отвечает на них, предпринимая героическую попытку реконструкции того, что он совершенно оправданно считает ключевой проблемой, слепым теоретическим пятном нашей эпохи. Книга синтезирует большое количество материала из истории философии и современных дискуссий; это сделано решительно (энергично?), в блестящем стиле и с большой долей остроумия. Можно ли говорить о том, что результатом этой работы становится новая теория энергии? Это должно проясниться к концу данной рецензии. Несмотря на упомянутую выше инверсию значения, Мардер серьезно воспринимает современное словоупотребление и обозначает преемственность между той энергией, которую мы используем (ядерной, солнечной и т. д.), или которой нам зачастую не хватает (энергией для работы), и аристотелевским *вработыванием*. Он считает, что в современном слове все еще присутствует рудимент изначальной «энергии», и сила была переименована в «энергию» отнюдь неслучайно. Вместе с тем из книги становится ясно, почему современная наука отошла от первичного значения энергии, переведя его в силу. Менее понятно желание ученых использовать слово «энергия», в то время как можно было удовлетвориться «силой» или «потенцией». Кажется, что современность разрывается между своей «страстью к реальному» (Бадью) и стремлением капитализировать это реальное в качестве объективированного ресурса. Как бы то ни было, согласно Мардеру, все это ведет к «кризису энергии», при котором чем больше «энергии» производится, тем меньше *энергии* остается. Следствием такого положения дел оказывается депрессия, истощение и апатия, присутствующие в экономике, политике и даже в самом Боге.

Энергия обладает для Мардера не только практическим и онтологическим, но и когнитивным (феноменальным) значением. Энергия вырабатывает «грезы», и сама по себе неотделима от грез: экс-

татическое состояние меняет окружающий нас мир и наполняет его игрой несвязанных образов, отличных от простых фантазий. Они напоминают платоновские сновидения, производящие идеи. Это вовсе не означает, что энергия — всего лишь фикция. Напротив, она представляется сложной самореферентной данностью, которая не исчерпывается элементарным существованием и постижение которой предполагает практику.

Книга имеет горизонтальную структуру, в соответствии с порядком дисциплин, к которым обращается автор: онтология, теология, психология, экономика и физика. Такая структура усложняет задачу по изложению аргумента, однако я попытаюсь далее это сделать:

1) После Аристотеля возникла пагубная тенденция строго отделять энергию от фактически данных вещей/материи и воспринимать ее как нечто скрытое в глубинах природы. Роковые шаги по направлению к такой интерпретации были сделаны святыми Августином и Фомой, которые приписывали энергию деяниям Бога, оставляя материальность на долю тварных существ. Напротив, в православной традиции, центральной фигурой которой был Григорий Палама, сущность Бога не совпадает с его энергиями. Таким образом энергии находились в области материального выражения Бога, а не его скрытой сути. Мардер предпочитает эту теорию, следуя за бибахинским прочтением Паламы, но переворачивая при этом сам аргумент (Бибахин-то не согласен с Паламой). В конечном итоге идея энергии, скрытой в недрах бытия, в его нематериальной сущности, оказывается спиритуалистской и метафизической. Мардер полагает, что из нее проистекает современный подход, согласно которому для достижения энергии требуется *взломать* питающуюся ею материальную вещь. Таким образом, «производство энергии — это уничтожение мира»¹, и «наша энергия высвобождает силу негативности, актуализируемую не в бытии, а в опустошении бытия»².

2) То, что тем самым утрачивается и должно быть восстановлено, можно зафиксировать в трех положениях:

А. *Энергия покоя*. Данное понимание энергии присутствует у Аристотеля, который приписывает ее Богу, неподвижному двигателю; оно же убедительно отстаивается Бибахиным. В некотором смысле существование такой энергии предполагается современным понятием «потенциальной энергии», представляющим собой оксюморон (вещь таит в себе движение и при этом не движется). Но Аристотель имел в виду нечто противоположное: не отсутствующий

¹ “energy production is world-destruction”(83).

² “our energy unfurls the force of negativity actualized not in being but in the decimation of being”(19).

временно потенциал, а силу, которая *сохраняется* в самой своей реализации. Эта сила ничего не скрывает, не вызывает тревоги, а, напротив, в каком-то смысле наслаждается собой. В дальнейшем Мардер приводит пример *забастовок* — этих аффирмативных политических актов по преимуществу, в понимании Жоржа Сореля и Вальтера Беньямина.

В. *Энергия поверхности*. Если энергия присутствует *in actu*, то отсутствует необходимость искать ее в глубинах, и она не подчиняется «железному» закону сохранения энергии. Претворяющий в действительность акт не расходует, а производит свою собственную энергию. Растения (любимая тема Мардера) питаются поверхностью и благодаря ей, тогда как животные стремятся проникать в глубину и уничтожать. Как же возможно подпитываться от поверхности? Здесь мы приходим к третьей форме «благой» энергии:

С. *Синергия*. Это слово, обладает опасной близостью к «синергетике», провинциальной моде на позитивизм в духе *NewAge* (в российской науке мы до сих пор боремся с этим эндемическим языком). Но у Мардера оно приобретает строгое и продуктивное значение. Энергия производится не внутри тела, а только при *взаимодействии* тел. В некоторых случаях по ходу их взаимодействия одно тело уничтожает другое, и мы питаемся энергией их столкновения. В иных случаях одно тело реагирует на другое, движение передается не с помощью механического толчка, а за счет совпадающей одновременности, производящей ритм. Мардер утверждает, что такая гармония, предустановленная или нет, создает интенсивность резонанса. Он приводит прекрасную цитату из Грегори Бейтсона, которую я также воспроизведу здесь:

Когда один бильярдный шар ударяет другой, происходит такой перенос энергии, что движение второго шара энергетизируется ударом первого. С другой стороны, в коммуникативных системах энергия для отклика обычно предоставляется получателем. Если я пинаю собаку, ее непосредственно следующее поведение энергетизируется ее собственным метаболизмом, а не моим пинком. <...> Она может <...> обернуться и укусить (Бейтсон 2000: 367, 255).

Я бы добавил, что такое отношение движений устроено контрритмически, посредством цезуры. «Синергию» не следует представлять как точную гармонию, напротив, это новая сила, которая зачинается *in medias res*, когда предыдущая сила еще не исчерпала себя. Русский поэт Осип Мандельштам сравнил подобную энергетическую машину с «самолет(ом) <...> который на полном ходу конструирует и спускает другую машину. Эта летательная машина так

же точно, будучи поглощена собственным ходом, все же успевает собрать и выпустить еще третью» (Мандельштам 1994: 233).

В психологии и феноменологии, продолжает Мардер, моделью этой корреляционной энергии является внимание. Будучи поверхностным феноменом сознания, *внимание* и есть его энергетическая мощь. Оно происходит не от воли, а от контакта сознания с внешним объектом, и потому располагается между субъектом и объектом. Мардер далее отмечает, каким образом внимание, подобно всякой энергии, может существовать и в несвязанных (рассеянных), и в концентрированных формах. Несвязанная энергия вызывает напряжение и в конечном итоге производит негативность. Однако для акта концентрации она накапливается, и накапливается иным образом, чем вследствие абсорбции объектом.

Итак, что можно в целом сказать о данном подходе, учитывая уже упомянутую мной прекрасную манеру изложения и мою рекомендацию прочесть книгу целиком?

1) Предприятие Мардера представляется плодотворной ревизией известного *экзистенциализма*. Кьеркегор, Сартр, Жильсон и в некотором роде Хайдеггер уже развивали важнейшую идею *осуществления*, бытия в противоположность идеалу. Возврат к базовой реальности был для них чем-то аналогичным обращению к энергии, характерному для нас сегодня. Но поскольку эти авторы основывались на католической версии аристотелизма, они в значительной степени игнорировали тему энергии. В своем знаменитом прочтении раздела «Метафизики» *Тема* Хайдеггер утверждал, что именно потенциальность, *dynamis*, является ключом к аутентичному человеческому существованию. Мардер возвращается к этой дискуссии (после ее «постмодерного» отклонения в сторону новой версии идеализма) более продуктивным способом, опираясь на Аристотеля и традиции восточного христианства. Энергия подобна существованию в той мере, в какой она актуализируется, но вместе с тем она является активным движением осуществления как составляющей направленного движения, обладающего значением и основывающегося на отношениях между вещами. Подобно существованию, она превосходит идею, однако лишь для того, чтобы осуществить ее, а не вынырнуть в качестве brutальной и отчужденной «фактичности».

2) Тем не менее в этом анализе присутствует имплицитная отсылка к Хайдеггеру и в положительном смысле. Хайдеггер объяснил то, что мы теперь называем «кризисом энергии», с помощью понятия *Gestell*. *Gestell*, согласно Хайдеггеру, является стремлением к самореализации любой ценой, культом реального, который стал роковым для современности, поскольку растратил и обнажил все ее скрытые потенциальности. Мардер рисует похожую картину, одна-

ко использует при этом едва ли не противоположные термины. Постоянная активность или, скорее, псевдоактивность, пренебрегает не возможностью, а моментами осуществления — позиция, близкая скорее Лакану (о котором Мардер тем не менее отзывается весьма критически), нежели Хайдеггеру. По той же причине теория Мардера расходится с Агамбенем, который рассматривает потенциальность в более традиционном хайдеггеровском ключе и приходит к некоторой этике неактивности, приобретающей декадентские обертоны. Я думаю, что Мардер абсолютно прав в обоих противопоставлениях, и что на этот антагонизм можно было бы указать даже более прямо.

3) Относительно антагонизмов. Книга Мардера противопоставляет синергию деструкции и в этом смысле является «аффирмативистской» (если использовать удачный термин Бенджамина Нойза). Такая позиция, в свою очередь, соотносится с экологизмом Мардера: это не просто дань моде, а многолетнее убеждение. Как гегельянец, здесь я не могу согласиться с ним полностью. Мир гармонии без негативности может стать опасно репрессивной утопией, поскольку негативность с самого начала неискоренима. Даже мирное отношение к вещам и субъектам не гарантирует того, что они настроены столь же мирно по отношению к тебе. Иногда синергия с вирусами и террористами может сработать, иногда нет, но что делать, если попытка установить синергию рассматривается как угроза, например империалистическая? Запретить разрушительный подход? По большей части наше взаимодействие с вещами и с самими собой носит конфликтный характер, и временами это действует удручающе, а иногда, напротив, придает энергии (так происходит, когда ты борешься и побеждаешь). Даже пример Бейтсона, процитированный выше, касается конфликта с собакой. Обсуждение Фрейда и Шмитта в рамках данной книги показывает, что внутренний конфликт сообщает энергию — разумеется, в тех случаях, когда он не приводит к полному уничтожению. Мардер верно замечает, что Гегель как философ энергии (*Wirklichkeit*) разрешает этот вопрос с помощью теории отрицания отрицания, именуемой *Aufhebung*, преодоление, которое отрицает, сохраняя. Но *Aufhebung* вовсе не является гармоническим сосуществованием с чем либо. Дело не в том, что теория Мардера ошибочна, скорее она заслуживает дальнейшей разработки и могла бы выиграть за счет диалога между феноменологической и диалектической традициями.

Подводя итоги, следует сказать, что это очень успешная книга, вероятно, лучшая из написанных этим плодовитым автором на сегодняшний день. Она затрагивает самый нерв нынешнего исторического момента, связывает его с главной проблемой метафизики и делает это благодаря впечатляющему охвату источников, включая

Рецензии

обращение к редко используемой византийской/русской традиции. Надеюсь, что эта работа повлечет за собой новую серию книги дискуссий, и, возможно, даже приведет к этическим преобразованиям.

Перев. с англ. Валерии Левчук

Библиография

Бибихин, Владимир (2010). *Энергия*. М.: Институт философии, теологии и истории св. Фомы.

Бейтсон, Грегори (2000). *Экология разума. Избранные статьи по антропологии, психиатрии и эпистемологии*. М.: Смысл.

Мандельштам, Осип (1994). «Разговор о Данте». В кн. *Стихи и проза 1930–1947*, т.3, в Мандельштам, Осип, *Собрание сочинений* в 4 т., т. 3. М.: Арт-Бизнес-Центр.